

Дмитрий Анкин, Лев Ламберов

Комментарий к статье Э. Гетье

Лев Ламберов. На мой взгляд, аргументацию Эдмунда Гетье следует подробно рассмотреть, так как это, я полагаю, может принести интересные плоды. Для начала, я хотел бы отметить, что контрпримеры Гетье не так-то просто преодолеть (если, конечно, это вообще можно сделать). Философы изначально недооценили их. Обычной реакцией на контрпримеры был поиск некоего четвертого условия, которое бы было очевидно и в то же время легко разрешало бы проблему. Тем не менее, какие бы четвертые условия не предлагались, все новые и новые контрпримеры делали их бесполезными. Я полагаю, что поиск какого-либо дополнительного условия для определения знания не решит проблему. На мой взгляд, следует пересмотреть сами понятия, которые включены в изначальное определение знания (как истинного и обоснованного убеждения). Мне кажется, что вторая история является более очевидной, и поэтому я начну именно с нее.

В истории-2 для меня будут важны следующие положения:

(f) У Джонса есть «Форд».

(h) Либо у Джонса есть «Форд», либо Браун – в Барселоне.

(Z) Браун находится в Барселоне.

Утверждение (h) истинно благодаря своей логической форме и соответствию факту, что Браун находится в Барселоне. Смит убежден в пропозиции, что (h), в силу ее логической формы и своего убеждения, что (f). Смит *не знает*, что (h) истинно, так как Смит убежден, что (f), но (f) ложно. Смит совершает очень простой вывод: $A \supset (A \vee B)$. Приведенное правило – это правило введения нестрогой дизъюнкции. Возникает вопрос – к какой теории истины мы обращаемся, когда говорим в определении знания, что знание – это истинное и обоснованное убеждение. Если мы обращаемся к корреспондентной теории, то (h) истинно благодаря (Z) и своей логической форме. Если мы применяем когерентную теорию, то (h) истинно либо из-за (f), либо из-за (Z), либо из-за (f) и (Z). Утверждение (f) ложно по корреспондентной теории, но истинно в случае Смита, благодаря когерентной теории. Утверждение (Z) истинно по корреспондентной теории и вероятно-истинно по когерентной (Смит не знает, в каком точно городе находится Браун). Смит, исходя из своего убеждения, что (f)

истинно, заключает, что (h) истинно. И (f), и (h) обоснованы когерентистски. Однако когда Гетье утверждает, что Смит *не знает*, что (h) истинно, потому что (f) ложно, а (Z) истинно, он применяет корреспондентную теорию истины. Если бы Смит действовал, исходя из корреспондентной теории, то он не был бы убежден в истинности (f), следовательно, он не знал бы (ошибочно), что (h) истинно благодаря (f).

В истории-1 я буду использовать следующие обозначения:

(d) Именно Джонс получит должность, и у Джонса в кармане есть 10 монет.

(e) У человека, который получит должность, в кармане есть 10 монет.

(X) Джонс есть тот человек, который получит должность.

(Z) У Смита в кармане есть 10 монет.

Бедняга Смит видит, что из (d) следует (e). Смигу сказал его босс, что именно Джонс получит должность, а Джонс только что хвастался своими десятью монетами перед Смитом. На самом деле, должность получит Смит, и у Смита есть 10 монет в кармане, то есть (e) истинно. Смит полагает, что в (e) говорится о Джонсе, так как он считает, что (X) истинно. Смит выводит (e) из (d) и (X) при помощи простого правила замены ко-референтных термов. Утверждение (e) истинно, если (d) и (X) является истинными. Однако, ни (d), ни (X) не являются истинными по корреспондентной теории, они истинны только по когерентной теории истинности (согласуются с системой убеждений Смита). Поэтому вывод (e) из (d) и (X) не является верным при корреспондентной теории. Когда Гетье утверждает, что, в конечном счете, (e) истинно, а (d) ложно, он исходит из корреспондентной теории истины. Утверждение (e) истинно потому, что (Z), но Смит не знает, что (Z), и полагает, что (e) истинно благодаря (d) и (X).

В конце концов, и вторая, и первая истории справедливы для когерентной теории истины, но не для корреспондентной. Гетье, мягко говоря, мухлюет, когда конкретным Смитам приписывает убеждения в истинности по когерентной теории, а сам использует корреспондентную. Согласно корреспондентной теории, ни один Смит, ни в одной истории не знал того, что приписывал им Гетье. Убеждение Смита, что (h) истинно, не является знанием по определению, и убеждение Смита, что (e), не является знанием. Это так, потому что не соблюдается условие определения (знание – это *истинное* и обоснованное убеждение). Это условие соблюдается только при когерентной теории, следовательно, аргументы Гетье работают для когерентной теории. Это условие *не* соблюдено при коррес-

пондентной теории, поэтому аргументы Гетье для корреспондентной теории не работают. Безусловно, в обычной жизни мы не можем знать то, что превосходит наши убеждения, но мои рассуждения здесь – всего лишь мысленный эксперимент. Я полагаю, этот эксперимент ясно показывает, что наши понятия истины и обоснования «вырастают» из одного источника. И именно это, на мой взгляд, является основанием для контраргументов Гетье. Ведь, очевидно, что обоснование не является гарантом истинности, оно лишь призвано поставить познающего в более удачную позицию, чтобы «схватить» истину.

Дмитрий Анкин. Является ли знание истинное и обоснованное убеждение? Я полагаю, что да. Определим знание следующим образом: S знает, что P , если и только если:

- (i) P истинно;
- (ii) S убеждён в том, что P истинно;
- (iii) S имеет все основания быть убеждённым в том, что P (субъективные основания);
- (iv) Основания S являются общезначимыми (объективные основания).

Пункт (iv) играет, как отмечено в скобках, роль достаточных объективных оснований всякого знания. Это соответствует теории познания Иммануила Канта. Я не уверен, что это наилучшая трактовка достаточных объективных оснований (определять объективность через общезначимость просто более удобно, чем, например, через корреспондентную истинность), однако для исключения эпистемической случайности кантовского истолкования вполне достаточно. Случайное совпадение истинного и признаваемого истинным исключается здесь в силу того, что само признание чего-то истинным здесь уже *не случайно* (по крайней мере, тогда, когда мы в достаточной степени расширим коммуникативное сообщество). Общезначимо признаваемое истинным должно сходиться к истинному также, как математический ряд сходится к своему пределу.

Обратимся к аргументу Гетье. Предположим, что в достоверном источнике говорится, что основатель немецкой классической философии Кант. Некто Иван, прочитав данный источник, убеждён, что имя основателя немецкой классической философии начинается на букву К. Его убеждение (P) истинно, он убеждён, что его убеждение истинно, он имеет основания быть убеждённым в том, что его убеждение истинно. Однако убеждение Ивана, что он имеет основания быть убеждённым в P *не является общезначимыми*. Редактор предполагаемого нами издания («досто-

верного источника»), обнаруживший опечатку в имени основателя немецкой классики, может исправить истинное, но необоснованное убеждение Ивана на истинное и обоснованное, заменив Конта на Канта. Если же редактор этого не сделает, то какой-нибудь другой член предполагаемого коммуникативного сообщества это сделает, то есть превратит случайно истинное утверждение Ивана в знание, обосновав его неким общезначимым образом.

Лев Ламберов. Дмитрий Владимирович, менястораживает в Вашей аргументации следующие моменты. Вы вводите пункт (iv) – «основания S являются общезначимыми». Но что означает эта общезначимость? Предположим, что общезначимость – это нечто вроде интересубъективности. Но разве нельзя сформулировать контрпримеры Гегье так, чтобы они вновь опровергали это новое определение? Вам известно, какой сейчас год? Год от (*предполагаемого*) рождения Христа? А, ведь, считается, что некий средневековый монах Дионисий при переписывании рукописи ошибся в перечислении важных римлян. Это привело к тому, что рождество Христово произошло, когда самому Христу *уже было* 2 годика. Мы убеждены, что сейчас 2007 год. Хотя, от рождения Христа это уже 2009 год.

Можно предположить и такой пример. Когда-то у добрых людей в городе Кенигсберге родился мальчик. Весил он не очень много, да и роста был как все обычные младенцы. Отличался он только каким-то завораживающим светлым взглядом. Это был ребенок четы Конттов. Такая у них была фамилия. Однако, злой мэр того города, боясь пророчеств о том, что родится младенец с чужеземной фамилией и убьет его, решил убить всех новорожденных с не-немецкоязычными фамилиями. Те самые Контты бежали из Франции, и у них никак не могла быть немецкая фамилия. Когда же пришел писец, чтобы записать младенца (а пришел он со стражей), ничего не знаящие родители сказали, что фамилия их сына – Конт. Писец очень возмутился этому и даже хотел приказать страже убить ребенка, но в этот момент младенец, мило улыбаясь, взглянул ему прямо в глаза. Сердце писца по неведомым причинам растаяло, и он искренне полюбил младенца. Писец решил не убивать его и рассказал родителям о кровавом плане мэра. Тогда они решили, что в документах писец укажет ненастоящую фамилию младенца. Писец так и написал – «В доме 56 по такой-то улице родился младенец по фамилии Кант». Мальчик, когда смог все понять, решил сохранить свою фамилию в тайне, и представляться всем как Кант. Однако он обладал высокими моральными качествами и не мог врать. Поэтому он усиленно сторонился людей. Так получилось, что он прославился как великий философ, но под чужой фамилией. Уже на

смертном одре он решил открыть тайну, но не успел и почил с миром. А совсем недавно некий преподаватель Уральского госуниверситета рассказал студентом на лекции об этом замечательном философе – о Канте. Многие из них сразу же полюбили его творчество и даже начали придумывать игры, связанные с ним и его системой. Среди них был один тугодум. Он, конечно, знал, что у философа, который совершил «кантианскую революцию», фамилия Кант (он был на лекции и даже читал кое-какие книги, даже чуть-чуть «Критику чистого разума»), но он долго не мог ответить на простой (но не очень умелый) вопрос одногруппников: «Кто из философов сформулировал категорический императив?». Он мог лишь сказать (вполне уверенно), что фамилия у него состоит из четырех букв, первая из которых – «К», а последняя – «Т». Так бы мы все посчитали.

На мой взгляд, общезначимость как интересубъективность не подходит. Если брать общезначимость как корреспонденцию, то это тоже не многим лучше. Каким образом мы бы могли отличать знание от незнания? Никаких свидетельств о том, что у Канта на самом деле была фамилия «Конт» нет. Самого Канта-Конта уже нет. Все уверены, что верная фамилия – «Кант» (в этом никто не сомневается). К сожалению, мы, люди, являемся всего лишь людьми и не можем заглянуть за край, чтобы увидеть то, что находится за ним.

Дмитрий Анкин. Я хотел бы остановиться на Ваших замечаниях о недействительности аргументов Гетье применительно к корреспондентному пониманию истины, которые можно интерпретировать в том смысле, что если корреспондентная концепция будет использоваться в указанном мной пункте (iv) для обеспечения *общезначимых* оснований истинности (обоснования истинности), то аргументы Гетье станут недействительными. С этим я согласен, самого по себе этого, действительно, достаточно для исключения проблемы. В то же время, я полностью с Вами согласен также и в том, что определение и обоснование необходимо как-то развести, иначе у нас возникает пересечение пунктов (iv) и (i). Однако, в таком случае – если принять и первое, и второе условие одновременно – мы нуждаемся в возможности использования какого-то *определения* истины, независимого от корреспондентного *обоснования* истины (уже обоснования, а не определения).

Представляется, что лучше было бы действовать иначе, согласиться со вторым условием (которое видится необходимым), но отказаться от использования первого (хоть и решающего проблему, но неизвестно в какой системе, при каком определении). Я полагаю, что определение должно быть более сильным, чем обоснование, и поэтому использовал бы корреспондентное понимание именно в качестве *определения*, а не в каче-

стве основания. *Признавать* же или *не признавать* что-то истинным мы вполне можем и без использования понятия корреспонденции. Тем самым, легко будет согласиться и со сколь угодно «трансцендентной» («логической» в смысле Б. Рассела) интерпретацией истины, так как мы не претендуем, в таком случае, ни на какое актуальное (обосновывающее) использование понятия корреспонденции; у нас нет, и никогда не будет абсолютно надёжного основания знаний (лучше говорить, поэтому, о *трансцендентальной*, а не о «трансцендентной» трактовке истины).

Признав, что знание всегда может оказаться вовсе и не знанием, мы получаем полное право и возможность не привязывать собственное определение знания к некоторой наличной ситуации, а изменять его всякий раз применительно к той новой информации, которая была до этого нам неизвестной, и которая выступает в качестве основания очередного контрпримера Гетье. То есть, мы имеем право на бесконечную корректировку своего определения вслед за любым новым критическим контрпримером Гетье, вводящим что-то субъекту познания изначально неизвестное. В таком случае, аргумент Гетье не может быть даже осмысленно сформулирован, ведь Смит всё уже знает наперёд.

Несколько слов о функциях определения. С одной стороны, если в определении определяемый предмет не отграничивается от иных предметов, такое определение вряд ли можно считать адекватным. С другой стороны, определение вовсе не обязано давать нам операциональный критерий подобного разграничения. Определение формулирует некоторый общий *принцип*, который мы можем использовать для образования критерия. Классическое определение знания подобный принцип и задаёт. Можно поэтому сказать, что примеры Гетье имеют силу лишь в качестве возражений против того или иного *критерия* разграничения между знанием и незнанием (зависящего от ситуации нашего *употребления* классического определения), показывая его неизбежную условность и относительность. Примеры Гетье демонстрируют невозможность абсолютного *критерия* знания, но они не могут пониматься как аргументы против *определения* знания. Ни одно определение примерами не опровергается, ведь определение «по определению» есть истина чисто аналитическая.

Лев Ламберов. Позволю себе не согласиться с Вами, Дмитрий Владимирович. Я полагаю, что контрпримеры Гетье «симптоматически демонстрируют» невозможность содержательного определения понятия знания. То понятие знания, схватывание которого является целью стандартного (и прочих, более утонченных) определений, отождествляется с выражением «я знаю» в смысле «я не могу ошибаться», так как в определение знания включается пункт об истинности (или то, что можно назвать требованием объективности, как у Канта). Конечно, можно рассуждать и

о трансцендентальной трактовке истины, и о фаллибилизме в отношении знания, но это, так сказать, уже другие вопросы. Эти вопросы не имеют отношения к «я не могу ошибаться». Более того, точно также как Вы интерпретируете «бесконечную корректировку определения» в качестве способа справиться с контрпримерами Гетье, эта самая «бесконечная корректировка» никогда не даст Вам сформулировать содержательное определение знания. В таком случае не только контрпримеры Гетье становятся бессмыслицей, но и поиск каких-либо необходимых и достаточных условий для знания. Такая аргументация копает другому яму, но и сама попадает в нее же.

Дмитрий Анкин. Я полагаю, что определение должно задавать необходимые, но не должно претендовать на задание достаточных условий существования определяемого предмета. Под «содержательным определением» Вы, Лев Дмитриевич, имеете в виду, по-видимому, что-то вроде аристотелевского «реального» определения. Так мы знание, действительно, никогда не определим. В этом смысле Гетье, без всякого сомнения, прав. Мы никогда не скажем, что *действительно* будет (окажется) знанием о некотором предмете, но мы можем сказать какие необходимые признаки у всякого знания (в том числе и у знания об этом предмете) должны присутствовать.

Определение знания не может быть ни истинным, ни ложным, но само знание необходимо должно быть истинным, согласно этому определению. Определения не бывают истинными, но они не бывают и ложными; определения не опровергаются, и тем более примерами.

Лев Ламберов. Под «определением» я в данном случае подразумеваю объяснение или экспликацию содержания понятия через перечисление критериев. Контрпримеры, я полагаю, вполне могут служить тем, что опровергает наше «теоретическое» определение, а, конечно же, не наши интуиции в отношении него. Если что-то (как в случае контрпримеров Гетье) выполняет условия нашего «*теоретического*» определения знания, но мы, несмотря на это, не можем назвать это знанием, то это означает, что мы неправильно сформулировали определение. То есть, определение, данное нами в теории, не соответствует тому, как мы употребляем определяемое понятие на практике. Определение не перечисляет необходимые и достаточные критерии. В данном случае определение является неправильным, оно не схватывает наших «практических» интуиций. К тому же, сам-то Гетье не утверждал принципиальной неопределимости знания, но только хотел показать, что определение знания как истинного

и обоснованного убеждения неправильно или, если говорить в менее сильном смысле, не интуитивно.

Дмитрий Анкин. Определение может оказаться недостаточно адекватным, в силу его недостаточной полноты, или по какой-то иной причине. Тогда надо строить более подходящее определение. Я просто считаю, что недостаточная полнота не есть «неправильность» определения. Я полагаю, что в отношении определений у нас не может быть не только истины или лжи, но и *правил* (т.е. правильности или неправильности).

Если определение не работает, то есть два пути: 1) признать данное понятие неэксплицируемым; 2) поискать иное, более подходящее определение. Если мы желаем иметь *теорию* знания, то следует идти по второму пути. В этом мы с Вами согласны.

Я только считаю, что по нему следует идти бесконечно долго, и что мы никогда к цели не придём, и что это правильно. Я полагаю, что интуиция знания всегда будет оставаться несводимой к теории знания, а последняя всегда будет оставаться несводимой к определению знания. Всегда что-то (некоторые понятия) в нашей теории знания будет фигурировать без экспликации. Поэтому наше определение знания никогда не сможет стать «полным», *абсолютно адекватным* нашей же теории знания.

Что-то в нашей теории знания неизбежно останется неопределимым. Тем не менее, теория должна развиваться. Мне просто показалось, что путь к более адекватной (но не истинной!) теории знания лежит через Платона к Канту, к разделению объективного и субъективного аспектов обоснования в нашем определении знания.

Лев Ламберов. Нет, Дмитрий Владимирович, я не согласен с Вами в том, что «если мы желаем иметь *теорию* знания, то следует идти по второму пути». Я полагаю, что теория знания нам вовсе не нужна. Следует обратить внимание не на построение теории *знания*, а на построение теории *обоснования*. Какая нам разница является ли нечто принадлежащее индивиду знанием? Мы должны лишь исследовать то, насколько это нечто обоснованно. Я хотел бы здесь переформулировать Остина: «Знание – это абстрактное существительное, верблюд, которого мы пытаемся пропихнуть в игольное ушко. Философам следует заниматься соизмеримым». Я не вижу какого-либо преимущества в обладании понятием знания, тем не менее, преимущества обладания понятием обоснования очевидны. Кроме того, я полагаю, что содержательное определение знания невозможно, об этом я уже говорил и использовал Вашу же собственную

аргументацию против Вас. Когда же я говорил о правильности и неправильности определения, то я имел в виду, что «теоретическое» определение знания согласуется (в случае правильности) или не согласуется (в случае неправильности) с *правилами* употребления термина ‘знание’ и выражения ‘я знаю’ в каждодневной практике.